

оригинальная статья

Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен

Лонская Светлана Владимировна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

SLonskaya@kantiana.ru

Поступила 29.06.2023. Принята после рецензирования 19.07.2023. Принята в печать 19.07.2023.

Аннотация: Поставлена проблема научного осмысления символизации судебного пространства как историко-правового феномена. Методологическую основу исследования составили пространственный подход к явлениям социальной реальности и феноменолого-коммуникативное понимание пространства как объектно-субъектного взаимодействия. Дано описание происхождения и использования в научном обороте терминов *судебное пространство (judicial space)* и *пространство правосудия (space of justice)*. Предложены авторские определения судебного пространства и его символизации. Особое внимание уделено многомерности судебного пространства, в его структуре выделены и определены физическое, социальное (пространство статусов) и ментальное судебные подпространства. Отмечена высокая степень символизма и ритуальности судебной деятельности, на историко-правовых примерах рассмотрено влияние символизации на конструирование судебных подпространств. Сделан вывод о том, что символизация судебного пространства как историко-правовой процесс и фактор, детерминирующий ход исторической памяти, является частью предмета историко-правовой науки. Определено, что исследование историко-правовых аспектов символизации судебного пространства будет наиболее продуктивным в рамках таких научно-исследовательских программ, как юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция.

Ключевые слова: история государства и права, суд, судебное пространство, пространство правосудия, символ, символизация, юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция

Цитирование: Лонская С. В. Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 359–365. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>

full article

Symbolization of Judicial Space as a Historical and Legal Phenomenon

Svetlana V. Lonskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

SLonskaya@kantiana.ru

Received 23 Jun 2023. Accepted after peer review 19 Jul 2023. Accepted for publication 19 Jul 2023.

Abstract: Symbolic judicial space is a historical and legal phenomenon. The spatial approach to social phenomena offers a phenomenological and communicative understanding of space as an object-subject interaction. The author described the origin and use of such terms as *judicial space* and *space of justice* in scientific circulation to compile a new definition of judicial space and its symbolization. Judicial space is multidimensional in its structure, which can be subdivided into physical, social, and mental judicial subspaces. Judicial activity has a high degree of symbolism and rituality, which can be supported by a number of historical and legal examples. The symbolization of judicial space is a historical and legal process that determines the course of historical memory. In this aspect, it is a subject of historical and legal science, e.g., legal source studies, legal iconography, legal semiotics, and narrative jurisprudence.

Keywords: history of state and law, court, judicial space, space of justice, symbol, symbolization, legal source studies, legal iconography, legal semiotics, narrative jurisprudence

Citation: Lonskaya S. V. Symbolization of Judicial Space as a Historical and Legal Phenomenon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 359–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>

Введение

В последние десятилетия в методологии социогуманитарных исследований достаточно активно применяется пространственный подход. С одной стороны, он универсален и может рассматриваться как общенаучный. Однако в отдельных дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях «пространство» нуждается в дополнительном онтологическом обосновании, поскольку отраслевых, специализированных пространств в зависимости от исследовательской задачи может быть много: концептом *пространство* как исследовательским инструментом мы конструируем и познаем социальную реальность, которая многомерна.

Постепенно осваивать пространственный подход стали и в юриспруденции. Правоведы посвящают свои исследования своеобразному «пространственному повороту» (см., например, [1]), подобно лингвистическому, антропологическому, цифровому и иным поворотам на извилистом пути науки. Библиография в русле пространственного подхода, как отечественная, так и зарубежная, довольно обширна. Остановимся только на одном аспекте этого направления – исследовании судебного пространства (пространства правосудия).

Термин *judicial space* (*судебное пространство*) мы можем, пожалуй, впервые встретить в книге французского философа и социолога М. Хальбвакса «Социальная морфология» (в английском переводе – «Народонаселение и общество: введение в социальную морфологию» [2]). Первоисточник был опубликован в 1938 г., перевод – в 1960 г. «В каждой стране, – пишет М. Хальбвакс, – есть что-то вроде военного пространства, судебного пространства и фискального пространства. Каждое делится на районы с главными, второстепенными и строго местными центрами»¹ [2, р. 58].

Более прочно термин *judicial space* вошел в англоязычный научный оборот с конца 1970-х гг. и использовался в посвященных судебной архитектуре исследованиях о том, как организовано физическое (материальное, вещественное) пространство судебной деятельности [3].

Примерно с середины 1990-х гг. термины *judicial space* и аналогичный ему *space of justice* (*пространство правосудия*) стали активно применяться для научной характеристики европейских (и не только) интеграционных процессов в значении «вопросы правового сотрудничества по гражданским делам, основанного на принципе взаимного признания судебных и внесудебных решений» [4, с. 92]. Причем термин *space of justice* используется в нормативных актах Европейского союза, что обуславливает его высокую частотность в доктринальных и иных текстах, хотя

и уступающую *judicial space* (в этом, например, можно убедиться, получив данные из Google Ngram Viewer²).

Оба направления (судебная архитектура и интеграционные процессы) продолжают развиваться и ныне. Но в начале текущего столетия в рамках пространственного подхода произошел переход на уровень фундаментальных теоретических обобщений. За рубежом были изданы несколько работ, заложивших основы пространственного исследования судебной деятельности [5–7].

В отечественном правоведении, в отличие от других отраслей социогуманитарного знания, пространственный подход до последнего времени не получал должного внимания, но в последние годы ситуация меняется. С середины 2010-х гг. появился ряд исследований, оперирующих концептами *судебное пространство* или *пространство правосудия*: в области судебной архитектуры, в том числе в историко-правовом ключе [8–11], в области интеграционной проблематики [12–14]. В теоретической плоскости вопрос онтологического статуса судебного пространства и применения пространственного метода в юридических исследованиях остается малоизученным (см. [15; 16]).

Судебную деятельность с древнейших времен отличают ритуальность и символизм. Роль знака, символа, ритуала в конструировании социальной реальности, в том числе судебной, вошла в круг интересов многих исследователей [17–22]. В то же время проблемы выяснения влияния знаковых систем на конструирование правовой реальности, в том числе судебного пространства, еще далеко не исчерпаны.

В настоящем исследовании символизация судебного пространства рассматривается как историко-правовой феномен, изучаемый юридической наукой. Дано определение судебного пространства и его символизации, описана структура судебного пространства, рассмотрено влияние символизации на конструирование судебного пространства в статике и динамике и сделаны предположения, в направлении каких научно-исследовательских программ может продвигаться юридическая наука в изучении этого феномена.

Методы

Исследование опирается на методологию пространственного подхода применительно к явлениям социальной реальности (судебная деятельность) и прежде всего на феноменолого-коммуникативное понимание пространства как объектно-субъектного взаимодействия, в котором, по выражению Г. Д. Костинского, «пространство телесных вещей должно сопрягаться с пространством мысли» [23, с. 18].

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

² Google Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/interactive_chart?content=space+of+justice,+judicial+space&year_start=1800&year_end=2019&corpus=en-2019&smoothing=3 (accessed 3 Jun 2023).

Теоретико-методологической основой исследования послужили главным образом работы по теории социального и ментального пространства (М. Хальбвакс, П. А. Сорокин, П. Бурдьё, Ж. Фоконье), коммуникативной теории права (А. В. Поляков).

Судебное пространство

Чтобы описать судебную деятельность во всем ее многообразии, термин *судебное пространство*, как представляется, более предпочтителен, чем термин *пространство правосудия*. Не углубляясь в дискуссию о соотношении судебной деятельности и правосудия, отметим, что разделяем точку зрения, что судебная деятельность по объему шире правосудия.

Исследователи Л. Дальберг [24] и Е. Л. Хардман [25] определяют судебное пространство как площадку, на которой разрешаются конфликты между членами общества. Такой подход, полагаем, также не охватывает всю судебную деятельность, не сводимую только к разрешению конфликтов. Равно как и разрешение конфликтов правовым путем несводимо только к суду. Оказаться в судебном пространстве субъект может и вне связи с конфликтом: например, с учебной (на практике или стажировке), информационной (как посетитель, присутствующий в открытом судебном заседании) и подобной целями.

С нашей точки зрения, судебное пространство – это форма организации судебной деятельности, которая реализуется в определенных пространственно-временных рамках (хронотопе). Концепт хронотопа позволяет рассматривать судебное пространство и как явление с пространственными характеристиками, и как историческое (историко-правовое) явление, развивающееся во времени. Хронотоп – основание для выделения уровней судебного пространства (общий, локальный), типичного и уникального в судебном пространстве, периодизаций и классификаций судебного пространства (например, доимперское, имперское, постимперское).

Пространственный аспект судебной деятельности мы предлагаем рассматривать как место объектно-субъектного взаимодействия, обладающее признаком многомерности: судебное пространство состоит из подпространств. Когда М. Хальбвакс упомянул в своем научном труде судебное пространство, он определенно привязал его к территории (пространственный подход – один из ключевых в его теории): «Правосудие живет не только в судах; оно проявляет свое незримое присутствие во всей их юрисдикции. Таким образом, судья и судимый связаны отношениями, включающими всех жителей региона, поскольку они подчиняются его законам» [2, р. 60]. Физический смысл пространства, каким он представляется в естественных науках и переносится затем в социогуманитаристику, и заключается именно в характеристиках протяженности, объема, положения

одних тел по отношению к другим телам, что в целом создает обобщенное понятие места. Вот – судебный участок в определенных границах, вот – здание суда, вот – зал судебного заседания с местами для судьи, истца и ответчика. Все это составляет физическое судебное подпространство.

Но в отношении судебной деятельности мы имеем дело не только с физическими неодушевленными объектами (территория, вещи, их расположение). Судебное пространство – это еще и социальное пространство; в нем оказываются еще и субъекты – люди, наделенные сознанием и волей. Они действуют в этом пространстве, меняют его, меняются вместе с ним.

Социолог П. Бурдьё определял социальное пространство как структуру рядоположенности социальных позиций агентов и отношения между социальными позициями [26, с. 49–50]. Физическое пространство, по П. Бурдьё, – это социальная конструкция и проекция социального пространства, социальное пространство объективируется и реализуется в физическом [26, с. 52–53]. Территория под юрисдикцией суда, зал судебных заседаний с расставленными (развешанными) символами правосудия, судейские кресла, скамья подсудимых, места для публики, расположение столов для представителей сторон, чтобы они оказывались лицом к лицу, комната для свидетелей и т. д. – все это мир объективных материальных сущностей (вещей, тел), в котором осуществляется судебная деятельность. Попадающий в этот мир субъект оказывается на своем заранее определенном месте в соответствии с нормативно установленным правовым статусом (судья, присяжный, подсудимый, адвокат, свидетель и т. д.). Поэтому социальное пространство можно назвать пространством статусов.

Поскольку субъекты наделены сознанием и волей, в их субъективном восприятии отражается физический мир. Еще Л. И. Петражицкий писал о ментальном измерении права и правовых явлений – императивно-атрибутивных переживаниях, правовых эмоциях [27, с. 83–86]. В конце XX в. в работах специалистов в области когнитивной науки Ж. Фоконье и М. Тернера концепт ментального пространства обоснован как пространство образов, смыслов, знаний, ценностей и иных явлений психической реальности [28; 29]. Ощутить на себе, как работает ментальное пространство, пришлось практически всем, кто так или иначе связан с судебной деятельностью, во время пандемии COVID-19. Физическое пространство зала судебного заседания благодаря онлайн-технологиям превратилось в виртуальное, дополняемое нашим воображением, а фон за спиной участников видеоконференции мог и вовсе превратить это пространство в симулякр. Тем не менее это не мешало участникам процесса соблюдать все необходимые нормы и выполнять соответствующие действия.

Таким образом, в структуре судебного пространства можно выделить следующие подпространства:

- физическое – мир объективных материальных сущностей, в котором осуществляется судебная деятельность;
- социальное (пространство статусов) – структура рядоположенности правовых статусов лиц, вовлеченных в судебную деятельность, и отношения между статусами;
- ментальное – субъективное отражение физического мира, в котором реализуются и проецируются смыслы, образы, знания, ценности, нормы судебной деятельности.

Означает ли это, что многомерность судебного пространства исчерпывается лишь этими тремя подпространствами? Думается, нет. В зависимости от исследовательских задач мы можем вводить и иные пространства (поля). Например, ограничивая предмет исследования, мы можем ввести дополнительно такие пространства, как имперское и российское. В итоге получим российское имперское судебные пространства как пространства судебной деятельности в пределах хронотопа Российской империи. Помимо своей многомерности, это пространство будет обладать и особыми характеристиками: оно ограничено территорией, временем, правом, а также дифференцированно (неоднородно и неравно), поскольку в условиях Российской империи различались, например, суды и статусы судей на основной территории и на окраинах.

Социолог П. А. Сорокин в своей теории социального пространства различал индивидов, их акты и проводники, которые передают действие актов от одного индивида к другому. Последние он называл проводниками социального взаимодействия [30, с. 82]. Насыщенность определенного пространства проводниками социального взаимодействия означает, по П. А. Сорокину, сокращение самого пространства [30, с. 320]. Проблема таких проводников интересна как минимум в двух аспектах: что служит проводниками социального взаимодействия в судебном пространстве, и как связаны эти проводники с эволюцией информационного обмена между субъектами (от невербального – к цифровому). Здесь требуются отдельные исследования, но представляется, что на роль одного из таких проводников с полным правом претендуют символы. На это указывает сама этимология слова *σύμβολον* (*symbolon*) – собирать, соединять. Когда-то у древних греков символом

назывались половинки разломанных черепков, соединив которые их обладатели могли узнать друг друга и убедиться в подлинности передаваемой информации³. Символы – это знаки, которые не только обозначают (обособляют) пространство, устанавливают в нем коммуникацию, но и конструируют пространство, делают его целостным.

Символизация судебного пространства

Для судебной деятельности характерна высокая степень символизма и ритуальности. Если применить к нашему случаю теорию интерактивных ритуалов Р. Коллинза [31, с. 67, 71], судебные ритуалы и мобилизованная в них судебная символика создают в судебном пространстве фокусы внимания, организуют судебное пространство, конструируют смыслы и среду, в которой протекает судебная деятельность, и формируют соответствующее поведение субъектов.

Ю. М. Лотман отмечал архаическую природу символа: «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [32, с. 192]. Поначалу, когда судебная функция только возникает, символы приходят из общих повседневных практик, и далее в процессе их (символов) освоения повседневные практики (ритуалы) трансформируются в правовые. На такую трансформацию обращает внимание Г. Б. Власова [17, с. 70].

На ранних этапах развития государственности превращение повседневных практик в правовые происходит, скорее всего, конвенционально. Так, целование креста – один из древнейших, основанных на христианской символике ритуалов. Применяемый как общепринятый в рамках судебной деятельности (и не только судебной, а шире – государственной) этот ритуал становится правовым и в то же время – универсальным, поскольку осуществляет свои функции для обособления и конструирования не только судебного пространства, но в целом пространства государственного управления. Со временем символы привносятся в судебные практики государством посредством правовых средств, уже целенаправленно формируя судебное пространство. Например, судебская присяга, впервые установленная в России Петром I в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб»⁴ (гл. 1 ст. 13), знак судебской должности, введенный Судебными уставами 1864 г.⁵ (гл. 1 ст. 18), могут рассматриваться

³ Аверинцев С. С. Символ. *Краткая литературная энциклопедия*, гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1971. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». Стб. 826–831. <https://www.elibrary.ru/xmbcmx>

⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб. *Полное собрание законов Российской империи*: 1-е собр. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. С. 382–411.

⁵ Учреждение судебных установлений. *Судебные уставы 20 ноября 1864 года*. Б. м.: Б. и., 1864. С. 1–65.

не как универсальные, а как специальные символы и ритуалы, конструирующие социальное и физическое судебные подпространства (через обособление статуса судьи и создание фокуса внимания на его персоне) и ментальное судебное подпространство (через создание и артикулирование смыслов судебной деятельности). В приведенных примерах мы можем различить и типы символов, если подходить к этому вопросу с точки зрения источниковедения, не разделяя символ и знак: вербальные (текст присяги), невербальные (жест крестного знамения), вещественные (крест, судейский знак), изобразительные (изображение государственного герба на судейском знаке). В научной литературе мы можем встретить и иные классификации символов в праве [20, с. 115–117; 33, с. 42–43].

Символизация в социогуманитарной науке понимается в первую очередь как процесс. Символизация довольно подробно рассматривается психологами как процесс создания и освоения символов на уровнях общественного и индивидуального сознания соответственно [34]. Такой психологический аспект может быть интересен в контексте изучения эволюции ментального судебного подпространства, в котором иррациональное постепенно под влиянием различных исторических факторов и конкретных исторических событий уступает место рационализации. Однако как историко-правовой феномен символизация судебного пространства – это историко-правовой процесс, имеющий собственную структуру, содержание, механизмы, динамику. Именно они требуют изучения в рамках историко-правовой науки. В этом процессе сменяют друг друга не только ментальные ситуации, но и историко-правовые явления и события; процесс связан со всеми проявлениями правовой реальности (нормативной, социальной, культурной и т. д.) и конструируется (равно как и деконструируется, когда можно вести речь о десимволизации) различными инструментами.

Возвращаясь к фразе Ю. М. Лотмана о том, что символ, приходя из прошлого, уходит в будущее, нельзя не отметить важной роли символов в сохранении и передаче культурного кода и в целом исторической памяти. Создание, освоение и закрепление символов в общественном и индивидуальном

сознании, их сохранение (поддержание) – факторы, во многом определяющие динамику исторической памяти, в том числе и в ее правовом измерении. Все эти действия могут быть включены в понятие символизации.

На основе проведенного исследования судебного пространства и особенностей его символизации предложим следующее определение: символизация судебного пространства – это процесс создания, освоения и поддержания судебных символов в пределах судебного пространства.

Заключение

Символизация судебного пространства – неотъемлемая часть процесса эволюции судебной деятельности, историко-правовой процесс, который является частью предмета историко-правовой науки. Символизация – это и фактор, определяющий ход исторической памяти: ее сохранение, передачу, динамику.

С учетом того, что описываемый нами аспект предмета историко-правовой науки – особенный, его изучение должно осуществляться с помощью особых методов. Прежде всего, это источниковедческие методы, которые в свете источниковедческой парадигмы рассматривают символы как особые носители правовой информации, причем носители разного вида (например, вещественные и вербальные). Кроме того, это иконографический (иконологический) метод, который описывает, систематизирует и интерпретирует изобразительные (визуальные) источники. Самым естественным образом методы исследования выходят на такие научно-исследовательские программы, как юридическое источниковедение, правовая иконография, правовая семиотика, нарративная юриспруденция, в рамках которых будет, как представляется, наиболее продуктивным изучать историко-правовые аспекты символизации судебного пространства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. McGinn T. A. J. *Judicial spaces in the Roman world – roland färber, römische gerichtsorte: räumliche dynamiken von jurisdiktion im imperium romanum (Vestigia: Beiträge zur alten Geschichte, Band 68)*. (Verlag C. H. Beck, München 2014). S. x + 418, Abb. 43. ISSN 0506-8010; ISBN 978-3-406-66669-8. EUR. 70. *Journal of Roman Archaeology*, 2017, 30: 649–653. <https://doi.org/10.1017/S104775940007447X>
2. Halbwachs M. *Population and society: introduction to social morphology*. Glencoe, Illinois: Free Press, 1960, 207.
3. Burns R. P. *100 court houses: a report on North Carolina's Judicial Facilities. Vol. 1: the statewide perspective: description, evaluation and design guidelines*. N. C. State Univ. School of Design, 1978, 227.

4. Войников В. В. Пространство свободы, безопасности и правосудия в системе права ЕС. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 6. С. 91–97. [Voynikov V. V. The area of freedom, security and justice within the EU law system. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, (6): 91–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/art.2018.6.8>
5. Bablitz L. *Actors and audience in the Roman courtroom*. 1st ed. London-NY: Routledge; Taylor & Francis Group, 2007, 304. <https://doi.org/10.4324/9780203946770>
6. *Spaces of justice in the Roman world*, ed. de Angelis F. Leiden-Boston: Brill, 2010, XII, 434, illus.
7. Marrani D. *Space, time, justice: from archaic rituals to contemporary perspectives*. 1st ed. London-NY: Routledge; Taylor & Francis Group, 2017, 160. <https://doi.org/10.4324/9781315203249>
8. Давыдов В. Н. Генезис элементов судебного пространства. *Наука, образование и экспериментальное проектирование: Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. (Москва, 4–8 апреля 2016 г.) М.: МАРХИ, 2016. Т. 1. С. 160–161. [Davydov V. N. Genesis of judicial space's elements. *Science, education and experimental design: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of Academia, Young Scientists, and Students*, Moscow, 4–8 Apr 2016. Moscow: MARCHI, 2016, vol. 1, 160–161. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjpagi>
9. Давыдов В. Н. Архитектура основных элементов судебного пространства. *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 4–8 апреля 2016 г.) М.: МАРХИ, 2016. С. 186–189. [Davydov V. N. Architecture of the basic elements of judicial space. *Science, education and experimental design. Proceedings of the Moscow Architectural Institute: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 4–8 Apr 2016. Moscow: MARCHI, 2016, 186–189. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yalmpj>
10. Давыдов В. Н. Предпосылки к формированию пространственной организации «храмов Юстиции» Нового времени в Европе XIX века. *Наука, образование и экспериментальное проектирование: Междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. (Москва, 3–7 апреля 2017 г.) М.: МАРХИ, 2017. Т. 1. С. 160. [Davydov V. N. Prerequisites for the spatial organization of the New Age Temples of Justice in Europe in the XIX Century. *Science, education and experimental design: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of the Teaching Staff, Young Scientists and Students*, Moscow, 3–7 Apr 2017. Moscow: MARCHI, 2017, vol. 1, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yonhqf>
11. Аргунов А. В. Пространство правосудия в Средние века. *Вестник гражданского процесса*. 2020. Т. 10. № 3. С. 142–169. [Argunov A. V. The space of justice in the Middle Ages. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2020, 10(3): 142–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-142-169>
12. Войников В. В., Энтин М. Л. К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС. *Современная Европа*. 2019. № 4. С. 5–16. [Voynikov V. V., Entin M. L. 20 years of the EU's area of freedom, security and justice. *Sovremennaya Evropa*, 2019, (4): 5–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15211/soveurope420190515>
13. Войников В. В. Правовое регулирование Европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 397 с. [Voynikov V. V. *Legal regulation of the European area of freedom, security and justice*. Kaliningrad: IKBFU, 2013, 397. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrgtkp>
14. Потемкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза. М.: Гриф и К, 2011. 368 с. [Potemkina O. Yu. *EU's area of freedom, security and justice*. Moscow: Grif i K, 2011, 368. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/slkawx>
15. Немытина М. В. Пространство сравнительно-правовых исследований. *Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Всерос. науч. конф.* (Москва, 30 марта 2012 г.) М.: РУДН, 2013. С. 19–26. [Nemytina M. V. Comparative legal research space. *Methodology of Comparative Legal Studies. Zhidkov's readings: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Moscow, 30 Mar 2012. Moscow: PFUR, 2013, 19–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/syugql>
16. Немытина М. В. Пространственные модели в сравнительно-правовых исследованиях. *Служение праву*, под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М.: Проспект, 2017. С. 462–472. [Nemytina M. V. Spatial models in comparative legal research. *Serving the Law*, eds. Tumanov D. A., Zakharova M. V. Moscow: Prospekt, 2017, 462–472. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzmtnc>
17. Власова Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса. *Философия права*. 2007. № 2. С. 69–73. [Vlasova G. B. Symbols and rituals as cultural characteristics of legal proceedings. *Philosophiya Prava*, 2007, (2): 69–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/muujax>
18. Гуренко Д. В. Ритуалы и символы в судебной практике: правоантропологические аспекты. *Юрист-Правовед*. 2006. № 4. С. 83–85. [Gurenko D. V. Rituals and symbols in judicial practice: legal-anthropological aspects. *Jurist-Pravoved*, 2006, (4): 83–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylhaup>

19. Исаев И. А. Правовое пространство процесса (юридическая семиотика Франца Кафки). *Lex Russica*. 2006. Т. 65. № 5. С. 854–872. [Isaev I. A. Legal space of trial: Franz Kafka's legal semiotics. *Lex Russica*, 2006, 65(5): 854–872. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hwhtjp>
20. Мальцев И. В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 4. С. 100–121. [Maltsev I. V. On the concept of legal symbols within scope of the institutional legal approach. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, (4): 100–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.4.100.121>
21. Момотов В. В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права. *История государства и права*. 2003. № 2. С. 14–19. [Momotov V. V. Symbolism in Medieval law as the initial stage in the formation of law. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2003, (2): 14–19. (In Russ.)]
22. Пахалов М. Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 158 с. [Pakhalov M. Yu. *Litigation in Medieval England: legal vs. ritual forms*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2007, 158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nouacf>
23. Костинский Г. Д. Географическая матрица пространственности. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1997. № 5. С. 16–31. [Kostinsky G. D. Geographical matrix of spatiality. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 1997, (5): 16–31. (In Russ.)]
24. Dahlberg L. *Spacing law and politics: the constitution and representation of the juridical*. 1st ed. Abingdon-NY: Routledge, 2016, 292. <https://doi.org/10.4324/9781315680224>
25. Hardman E. L. *Conflicts, confessions, and contracts: diocesan justice in late fifteenth-century carpentras*. Leiden-Boston: Brill, 2016, 264. <https://doi.org/10.1163/9789004329683>
26. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. [Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia, 2007, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qoecdf>
27. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское Печатное Дело», 1909. Т. 1. [6], 318 с. [Petražycki L. I. *Theory of law and state as part of moral theory*. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. T-va "Ekateringofskoe Pechatnoe Delo", 1909, vol. 1, [6], 318. (In Russ.)]
28. Fauconnier G. Mental spaces. *Linguistics and Philosophy*, 1987, 10(2): 247–260.
29. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. NY: Basic Books, 2002, 464.
30. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг.: Колос, 1920. XIV, 464 с. [Sorokin P. A. *The system of sociology. Vol. 1. Social Analytics. Pt. 1. The structure of the elementary social phenomenon*. Petrograd: Kolos, 1920, XIV, 464. (In Russ.)]
31. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с. [Collins R. *The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002, 1282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrprtv>
32. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. In: Лотман Ю. М. *Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллинн: Александра, 1992. С. 191–199. [Lotman Yu. M. Symbol in culture. In: Lotman Yu. M. *Selected articles. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture*. Tallinn: Aleksandra, 1992, 191–199. (In Russ.)]
33. Шарно О. И. Классификационная модель правоприменительной символики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 3. С. 41–43. [Sharno O. I. The classification model of law-enforcement symbols. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2013, (3): 41–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ruvpjh>
34. Колтунова Е. А. Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов. *Российский психологический журнал*. 2012. Т. 9. № 3. С. 72–81. [Koltunova E. A. Symbol and symbolization: similarity and difference of the interpretation in the context of the different psychological approaches. *Russian Psychological Journal*, 2012, 9(3): 72–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2012.3.9>